

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б)

168
189

26 февраля 1935 г.

№ 191

тов. СТАЛИНУ.

Направляю копию письма-исповеди т. КАЩЕЕВА,
посланного им т. АРОНШТАМУ (Нач. Пуарм), ^{ПВК} в котором он
подробно повествует о своем активном участии в зиновьевской оппозиции до 1928 г.

Тов. КАЩЕЕВ, по всем отзывам, талантливый и весьма энергичный инженер-фортификатор, окончивший Военно-Техническую Академию в 1928 г., б. рабочий, член партии с мая 1919 г.

Его работа на Украине и Д. Востоке по укрепрайонам заслуживает большой похвалы.

На меня письмо производит впечатление несомненно искреннего документа, свидетельствующего, что т. КАЩЕЕВ решительно порвал со своим оппозиционным прошлым.

Считаю возможным не исключать т. КАЩЕЕВА из партии, оставить его на старой работе и тем самым подчеркнуть ему наше доверие.

К. Ворошилов

(К. ВОРОШИЛОВ)

ИСТОРИЯ МОИХ ОШИБОК - МОИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПЕРЕД ПАРТИЕЙ.

К зиновьевской оппозиции я примкнул в разгар дискуссии перед XIV съездом партии в период между Ленинградской конференцией и съездом. На подготовительных собраниях, кружках не был. Примкнул на основе предложенной Зиновьевым тогда политической линии.

1. Оппозиция тогда жила надеждой, что весь Ленинград поддержит ее позиции. Однако в этом пришлось скоро разочароваться.

Ленинградский коренной пролетарий, помнивший предательство Зиновьева в 1917 г., под руководством верного сына партии, закаленного ленинца, пламенного трибуна т. КИРОВА, сохранил верность партии ЛЕНИНА, остался по-прежнему цитаделью пролетарской революции, оплотом Ленинского ЦК.

2. Верными силами оппозиции остались в Ленинграде лишь узкая прослойка бывшего зиновьевского актива, насчитывавшая вряд-ли сотню человек, скорее десятки, в большинстве работники комсомола, т.е. люди Октябрьской революции не делавшие и прошлых предательств Зиновьева не знавшие. Наиболее крупные "фигуры" сейчас расстреляны, из них я лично знал Левина и частично Мясникова, остальные фамилии слышал много раз.

3. Вербовка новых сил в 1926-27 г. оппозицией.

1) Прием агитаторов на подпольных собраниях был неважный. Коренной рабочий партиец не шел на них вовсе, а то что шло было крайне малочисленно и состояло из комсомольцев или молодых членов партии только что пришедших на ленинградские заводы из деревни. Эти кадры поддавались обработке легче, а коренной рабочий, попадая на собрания, отстаивал линию партии и затем не являлся вовсе.

2) В конце 1927 г. вербовка была расширена. Приехали лидеры оппозиции: Зиновьев, Троцкий, Бакаев, Евдокимов, Залуцкий, Радек, Лашевич и др., Начались подпольные собрания с "вождями". Собрания эти проходили почти открыто, на 11 роте. На собрания затаскивались те же кадры и результат их был неизменно тот же. Какогонибудь значительного прироста сторонников не получалось. Рабочие коренные выступали против тут же на собраниях у Зиновьева и Троцкого.

Пошли на заводы - Зиновьев и Троцкий сами не пошли, послали проведать настроение Евдокимова, Бакаева и других. Я был с Бакаевым на заводе "Большевик". Бакаеву дали выступить после тов. Антипова, но потом рабочие так его отчитали, что идти на другие заводы особенной охоты возникнуть не могло.

На этом и закончилось хождение на предс'ездовскую дискуссию, всего в Ленинграде к этому времени оппозиция набрала около 1500 - 2000 чел. из огромной организации.

Мудрость политики т. СТАЛИНА и величайший политический такт т. КИРОВА в этом крупнейшем деле состоит в том, что они дали совершенно свободно по всяким способам "лидерам" оппозиции проверить свою политическую линию на ленинградских рабочих и результат получился такой, что базы совершенно в ленинградском пролетариате у оппозиции нет, а в остальных организациях партии ее и не было.

Но лидеры этому не научились.

Троцкий провозгласил лозунг дальнейшей подрывной антисоветской подпольной работы открыто на 11 роте.

Зиновьев прямо не высказывался, вертелся, но на антисоветскую демонстрацию пошел в более крупном масштабе, чем

Троцкий с Каменевым в Москве.

Эти демонстрации показали также то простое положение, что у оппозиции базы не только в партийной части питерских рабочих, но и беспартийных (на которых и была ставка - в частности в листовке Зиновьева названной даже Лашевичем эсеровской), опоры нет, что оппозиция может рассчитывать только на поддержку третьей силы, т.е. прямые анти-советские силы внутри страны и интервенцию извне. Троцкий пошел по этому пути открыто. Зиновьев начал вилить, каяться, организовывать возврат в партию упорствовавших для накопления сил внутри партии для нового предательского удара в спину партии.

Лично, я как и мои ближайшие товарищи по академии, как и вся основная масса зиновьевцев из рабочих, если уместно тут говорить о массе, пошли обратно в партию работать на строительстве социализма, на укрепление Советского Союза, как базы мировой пролетарской революции, без всякого понукания непосредственно после XV съезда и работают в партии и сейчас как верные сыны Ленинской-Сталинской партии.

Другая группа пошла по другому пути, возвратилась в партию продолжать подрывную работу, ждать новых трудностей для нового удара. Не имея опоры в рабочем классе, стали искать связей с третьей силой. Усвоили ее методы политического бандитизма и вырвали горячо любимого всей партией тов. КИРОВА. Так разошлись эти две группы по разные стороны барикад.

Эти подлые предатели получили по заслугам от Верховного суда и законное презрение всего народа за свое злодейски-фашистское дело.

III. МОЯ АНТИПАРТИЙНАЯ РАБОТА ВО ВТА В 25-27 г.

Я в Военно-Технической Академии по сути являлся организатором подпольной группы зиновьевцев в период 26-27 г. в основном в группу входили Максимов Н.А. Городской, его жена Капионова, Селиванов, Емельянов (он ушел потом в "леваки"), Жуков. Затем группа военного отделения Ленинградского Института Путей сообщения, выделившегося из ВТА Енокьян, Красовский, Голдин, Московский, Павлов (двое из них Красовский и Голдин перекочевали к троцкистам в 27 г.). Эта группа хоть и была самостоятельной, но мы часто собирались вместе, жили в одном общежитии, виделись каждый день и вели работу антипартийную сообща.

Подпольная работа в Академии велась в 2-х направлениях. Первое - кружковая работа, состоявшая в изучении антипартийных документов Зиновьева, Каменева, Троцкого и др., которые мы сами и размножали в 27 г. на машинке и стеклографе, и вторая часть - это агитация среди партийцев слушателей за антипартийную платформу. Агитация велась в большинстве открыто в клубе Академии или на партийных собраниях коллектива и частично по квартирам.

Затем пропаганда троцкистско-зиновьевской платформы в подпольных кружках на заводах, эту работу я вел в Володарском районе на заводах "Большевик", "Пролетарском", Ленина, фабрике Ногина. Максимов тоже вел занятия с теми же кадрами и затем на Васильевском острове с рабочими Балтийского завода на этом кружке я тоже был раза 2-3 агитировал новых рабочих.

Затем кружковую работу вел на заводах Нарвской заставы Красовский. Другие оппозиционеры кажется на заводы не ездили вовсе.

В этом периоде всю текущую информацию я получал от Левина, ныне расстрелянного и бывал на подпольных инструкторивных собраниях Ленинградского актива оппозиции, которые проводили Сафаров, Саркис, Смилга, Евдокимов, Бакаев.

В период кануна 15 С'езда я и указанные оппозиционеры из ВТА и ЛИПСА вели агитацию за посещение Зиновьева и Троцкого на квартирах (11 рота), причем в эту пору к нам примкнули троцкистские группы быв. Артиллерийской Академии Степанов, Либерман и др. и военного отделения Электротехнического института ТАМАХ и др.

Я подписывал сам и собирал подписи в академии и в кружках под заявлением 83 и затем под платформой.

1У. ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ АНТИСОВЕТСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ.

Я был на квартире у Зиновьева (11 рота) 6.XI.27 г. вечером там были Зиновьев, Евдокимов, Радек, Бакаев, Лашевич и др. там обсуждался вопрос идти ли Зиновьеву и, кажется, Евдокимову на трибуну или стать вместе с остальными лидерами оппозиции в стороне от трибуны с целью получения более отчетливого политического эффекта от демонстрации в пользу оппозиции. Было решено стать в стороне несмотря на то, что у Зиновьева и кажется Евдокимова были билеты на трибуну. Было определено место где именно стать и Зиновьев мне поручил собрать оппозиционеров академических и институтских на площадь в то место, где они будут стоять для того, чтобы изолировать его с группой от партийного актива, со стороны которого Зиновьев не ожидал лестных отзывов по адресу своей группы.

Тут же Зиновьев прочел проект листовки к беспартийным рабочим, Лашевич назвал его эсеровским, Зиновьев после этого несколько выправил его и листовка была выпущена.

Ночью я рассказал о принятых решениях оппозиционерам ВТА и Института и 7.XI мы с утра стали собираться на площади. Собирались довольно свободно, пользуясь воинским видом (доверие милиционеров к шинели). Затем пришла и стала группа лидеров оппозиции. Когда пошла демонстрация, то первая колонна один завод (не знаю какой), видимо, не разобрался хорошо в чем тут дело, прошел без больших неприятностей для лидеров, следующий смял оцепление милиции, захватил всю группу и нас в том числе в свою массу и с соответствующими отзывами и политической квалификацией нашего поведения в этот торжественный для страны праздник повел нас вместе с людским потоком по ходу демонстрации на улицу Халтурина.

Я в этом потоке оставался все время с Зиновьевым и предложил укрыться в общежитии Толмачевской академии на квартире у Кузьминского, где я раньше бывал, вся группа за исключением Лашевича, который отбился, стала пробиваться и пробилась к этому дому, где затем и оставалась до вечера. На квартире у Кузьминского были Зиновьев, Радек, Евдокимов, Бакаев, Залуцкий и др. Там составил Зиновьев документ с описанием "беспристрастным" событий этого дня для отсылки в ЦК. Мы все бывшие там его подписали.

На квартиру Кузьминского приезжал Нач. ПУОкра ЛВО т. СААКОВ. Радек, Евдокимов, а затем и Зиновьев вели с группой толмачевцев дискуссию в коридоре. Писали Рыкову, бывшему на трибуне, записки о том, что они арестованы (дело было в том, что Сааков не советовал выезжать из этой квартиры до ночи во избежание законного гнева рабочих за наш поступок). Вчером

были даны из ЛК машины и вся группа уехала на 11 роту. Затем ночью поехали на Петроградскую сторону на квартиру, кажется Шарова, где была вечеринка.

У. ВСТРЕЧИ С КУЗЬМИНСКИМ И ОТНОШЕНИЯ.

С Кузьминским я познакомился в 27 г. у Левина, он троцкист. Я был у него на квартире раза 2 или 3 до антисоветской демонстрации, бывал и он у меня на квартире несколько раз, содержание этих фракционных бесед и посещений было, со стороны Кузьминского активно троцкистским, у меня соответствующим тому времени. После 15 с'езда Кузьминский в партию не вступил, скоро был арестован и я его с тех пор не видел.

У1. ВСТРЕЧИ И РАЗГОВОРЫ 1928-1931 г.

Я лично верил в то, что зиновьевская оппозиция на ХУ с'езде капитулировала по-настоящему. Я видел и по моему тогдашнему представлению все в этом убедились на горьких уроках антипартийной борьбы 1925-27 года в социал-демократическом характере программы и контрреволюционной тактике троцкистско-зиновьевской оппозиции. Лично я и связанные со мной товарищи по Академии без особых приглашений сразу после с'езда пошли к члену Окружной партийной комиссии т. Краузе (быв. комиссар Академии) вести переговоры о вступлении в партию вновь с тем, чтобы вооружившись решениями партии, немедленно стать в партийную шеренгу и делать то, что укажет партия. Думал я так и об остальном народе, принимавшем участие в зиновьевской оппозиции. Письма Зиновьева Румянцеву я не знал. Поэтому я не считал антипартийным делом встречаться с бывшими зиновьевцами. За это время я встречался со следующими зиновьевцами: Левин, Бакаев, Наумов, Зиновьев,

Залуцкий, Капитонов.

Точное время встреч сейчас восстановить по памяти невозможно, но общее в этом отношении такое положение, что встречался с Левиным тогда, когда бывал в Ленинграде, всего вероятно раза 3-4. С остальными когда был в Москве. К Наумову заходил, кажется, только один раз в конце 28 г. или начале 1929 г., к Бакаеву тоже заходил один раз на службу в Энергоцентр в 29 или 30 году. Залуцкого видел в приемной у Смилги в 1930 г., но с ним не поздоровались, он мало меня знал. У Зиновьева был в период с 1928 г. по 1930 г., раза 3, у Капитонова раза 3-4.

Прошлых тем разговоров на фракционные антипартийные темы о линии партии, троцкистско-зиновьевской платформе и пр. я не подымал, не касались их и те, с кем я встречался.

Левин тогда работал в кооперации в Ленинграде, говорил о том, что работы много и о том, что, вероятно, его переведут на другую работу, доволен он был работой или ищет другую понять было невозможно. Перебирали общих знакомых зиновьевцев, кто где работает, как себя чувствует на работе. Причем, как это сейчас я вспоминаю, получилось так, что люди все еще только устраиваются на новых квартирах, как следует еще не обжились и сами то в партийной среде квартиранты или даже жильцы в гостиннице. Тогда же у меня оставалось впечатление, что люди ищут место в работе, найдут его и скоро будут ударниками социалистической стройки.

Злобных или даже критических выпадов со стороны Левина в разговоре со мною по отношению к ЦК или ЛК я не припоминаю. Наоборот, помню его рассказ о кооперативном совещании при ЦК, где он был, с репликой о том, что вожди очень много работают лично (речь шла о т.Кагановиче).

У Левина я был на вечеринке в октябрьские дни 28 г., там были, кажется, Горбачев, Гессен, остальной публики не помню, всего было человек 8-10, я пробыл часов до 11 и затем ушел на вечеринку академического актива на квартиру у быв. зиновьевца Жукова, где и провел оставшуюся часть ночи. Ничего от этой вечеринки политически ценного не припоминаю.

Встречи с Бакаевым, Наумовым носили характер эпизодический. Бакаев работал в Энергцентре, впечатление осталось от встречи то, что он еще не устроился на работе как следует. Разговаривал с ним в кабинете недолго. Наумов работал, кажется, в Союзкино. Говорили о кино, людях в этой области работающих, я их не знал и интерес к этой теме был небольшой. Опять перебирали знакомых зиновьевцев и впечатление от этих разговоров тоже, что и от разговоров с Левиным. Я выше упоминал о встрече с Залуцким в приемной у Смилги, тут надо добавить, что Залуцкий разговаривал с каким то партийцем ему знакомым и в этом разговоре скулил по-чиновничьи не удовлетворенность местом и работой (он был в ВСНХ в Саратове). В разговоре с этим партийцем Залуцкий ответил на вопрос, интересовавший меня по отношению к нему, и мне не было нужды задавать ему его. Это чиновническое сановное ворчанье, как я тогда это оценивал, было общим явлением в тех людях из бывших зиновьевцев, с которыми я встречался (Бакаев, Наумов, Зиновьев и др.). Мне оно казалось временным и лично я ждал, что люди возьмутся за работу социалистического строительства по-настоящему.

Теперь на это настроение пролил свет Верховный Суд и оказалось, что дело тут было совсем в другом. Они были не раздраженными сановниками, а заживо сгнившим ходячим трупом, заражавшим атмосферу пафоса социалистического строительства, героического труда в стране.

У Капитонова я бывал несколько раз, он работал в ВСНХ. Настроения у него были в отличие от упомянутой публики - человека более втянутого в работу. У него на квартире я был на вечернике в январе 32 г., на этой вечеринке была публика разномастная, главным образом красная профессура, из фамилий помню Стена, но по составу там были и зиновьевцы, и правые из профессуры. Я был там с партийцем, в оппозиции не участвовавшим, военным инженером т. Шенкманом. Конкретного содержания разговоров не помню, темы были общие и постановка их за общим столом не отличалась от обычных вечеринок.

Из встреч с Зиновьевым твердо помню следующие моменты:

1. Он писал книгу о "Войне", рассказывал как работает над ней и мельком обронил: Ну, вот, сейчас пишу книгу, а может, если война начнется, снова меня оценят.

2. Я был у него в период коллективизации (вероятно весной 30 г.), он в разговоре также бросил фразу: кулаков душат, режут, это хорошо, а вот коров крестьяне режут - это плохо.

3. Я был у него не помню времени, но факт помню - после его выступления где-то в Москве по наряду МК. Он говорил, что приняли его хорошо на собрании и народу было так много, что жену т. Кагановича помяли.

4. Он задал вопрос: А Вы что делаете? Я ответил: строю крепость под Киевом. На это Зиновьев заметил, а отступить будем только минимум до Киева.

Сейчас в свете решений Верховного Суда, в свете раскрытой контрреволюционной практики Зиновьева во все это время, смысл и значение этих реплик совершенно ясен. Зиновьев ни на минуту не складывал оружия против партии, мечтал о самых коварных методах возврата к власти вплоть до пораженчества

в войне Советского Союза. Я тогда не придавал этому политического смысла, относил это на счет его сановного положения в прошлом и некоторой неутрашке еще его места в партийной семье. Считал, что практическая работа излечит самолюбие, чем и рекомендовал заниматься. Теперь, очевидно, что я этим делал преступление перед партией и рабочим классом, что тут у меня большой провал в классовой бдительности.

В это время я встречал почти весь народ академический и из ЛИПСА быв. в оппозиции. Из них с Левиным встречался Максимов Н.А., там у него жила сестра (на кв. у Левина), Городской встречался с Капитоновым (он женат на его сестре), с кем кто еще встречался не помню. При встречах с этими товарищами у меня оставалось впечатление твердое, что все они работают в партии честно.

В январе 1934 г., будучи в Москве, я видел из быв. зиновьевцев академических двух человек Максимова и Селиванова. С Селивановым говорил о делах академических. С Максимовым о путях развития циклового метода в береговом строительстве. Причем с Максимовым я коснулся выступления Зиновьева на ХУП съезде с той стороны, что речь слабая. Но просидев в обозе, он ни о каких победах съезду рапортовать не мог и права не имеет. У нас другое дело, мы работали это время и можем выступать на съезде победителей с отчетом об одержанных победах. С его стороны я никаких замечаний по этому вопросу не слышал.

Летом 1934 г. в Чите на квартире быв. зиновьевца Московского (быв. зам. директора Забайкальской ж.д. военный инженер товарищ по Академии) встретил ушедшего от нас в 27 году в троцкисты Голдина, он приезжал в Читу из Свободного, где работал в БАМ'е, в командировку. Виделся я с ним с час времени, вместе обедали у Московского. Он

настроен был по партийному, говорил, что подал заявление в ЦК о приеме в партию и ждет решения.

Вот, кажется, все скольконибудь значительные встречи.

До от'езда на ДВК - январь 32 г. я продолжал встречаться с главарями антисоветской подпольной контрреволюционной террористической банды, не знаю фактического их настроения и методов.

Возвратившись в Москву в январе 1934 г. я не пошел навещать их, считая ненужным для себя слушать отзывы о с'езде победителей из их уст.

УП. ПАРТИЙНАЯ ЧИСТКА 1934 г.

При вступлении в партию в 28 г. на партийной чистке 1929 г. и на партийной чистке в 1934 г. я говорил подробно обо всей моей антипартийной работе до вступления обратно в партию в 28 г., отвечал на все решительно вопросы правдиво, как думал и делал о периоде 28-31 г., встречах и разговорах с зиновьевцами я не говорил, не видя в этих встречах и разговорах своего политического преступления.

УШ. О ЗИНОВЬЕВЕ.

До оппозиции у меня никаких личных отношений не было. Относился я к нему также, как многие другие члены партии в то время, т.е. считал его достойным быть членом политбюро ЦК, руководителем Ленинградской организации и председателем Коминтерна.

Встав на путь оппозиции, я все время смотрел на него, как на непосредственного ученика Ленина, отстаивающего его дело. Однако, тут стали накапливаться события и факты не в пользу ленинской добродетели этого лидера. Фактов и событий этих за 2 года оппозиционной борьбы было достаточно (начиная от эсеровского лозунга равенства в "философии эпохи", кончая эсеровской листовкой в 27 г. и антисоветской демонстрацией) для того, чтобы представить себе в каком болоте можно очутиться, если идти дальше с этим горе-вождем. Частые встречи осенью 27 г. в Ленинграде, слушание многочисленных его речей к рабочим партийцам, показали еще одну сторону - это крайнюю нечистоплотность его в политическом отношении, способность обманывать, шельмовать, двурушничать даже перед рабочими. Он не стеснялся им рассказывать басни об успехах оппозиционного дела в партии и Коминтерне, ничего не имевшие общего с действительностью.

Ну и совсем уж жалкий вид он имел в период антисоветской демонстрации. Все эти факты и факты известные всей партии - его двурушничество в этот период и предательства в октябрьские дни 17 г. растворили бывшее представление о нем, как о преданном и опытном лидере рабочего коммунистического движения. С Зиновьевым, как с вождем, как с непосредственным учеником Ленина, пришлось кончать и мне, хотя и с большим опозданием против сознания этого обстоятельства партией и ленинградской организацией ее в частности. Пришлось сопоставлять его деятельность не с революционными вождями, а с ревизионистами, в частности Бернштейном, тоже бывшем лично знакомым с основоположниками марксизма. Этот путь мое сознание проделало не сразу, а через активную поддержку зиновьевских взглядов в период 25-27 г., затем через "партийные" посещения его в период 29-30 г. и, наконец, решения Верховного Суда. Сопоставляя теперь приведенные выше мои разговоры с Зиновьевым и

обстоятельства дела о Московском и Ленинградском "центрах" зиновьевской антисоветской группы, необходимо отнести его вполне заслуженно к самым махровым, самым передовым меньшевикам, т.е. передовому отряду контрреволюции. Он давно перестал быть врагом рабочего класса внутри рабочего класса, внутри партии, он давно уже стал со своими последователями передовым отрядом контрреволюции, выдвинувшей свой форпост в столицу международной революции. В меньшевистской изворотливости и беспринципности, в ненависти к рабочему классу и успехам его дела, он давно переплюнул Бернштейна и Каутского, Мартова и Ивановича. Его имя, имя вдохновителя убийцы т. Кирова должно красоваться рядом с предателем, палачем Носке, вдохновителем убийц вождей германской революции Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

IX. О МОЕМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПЕРЕВООРУЖЕНИИ.

Процесс сознания ошибочности политической линии зиновьевской оппозиции у меня лично протекал длительное время. Перевоспитывали меня, лечили от оппортунистической язвы Ленин, Сталин и ленинградские рабочие.

Первое положение зиновьевской идеологии - лозунг - "Равенство" мною сдан почти без боя, как явно эсеровский. Ни в какие фракционные даже ворота этот лозунг не вожмешь в ленинский арсенал. Положение Зиновьева о свободе группировок, оставаясь хотя бы на видимой, фракционной почве ленинизма, тоже отстаивать нельзя, приходилось умалчивать об этом или когда препирали партийцы, чувствуя фальшь, защищаться аргументами не вескими, фальшивыми, внутренне не чувствуя своей правды даже в период фракционного ослепления. Другая часть вопросов

крестьянский, социалистическое строительство в одной стране - сидели глубоко. В отношении построения социалистического общества в одной стране атака в моем сознании шла по двум линиям. Это критика Сталиным меньшевистских взглядов Троцкого и Зиновьева по этому вопросу и в значительной части подпольные беседы с рабочими и работниками, последние не мало помогли и подтолкнули сознание тем, что они горели уже энтузиазмом двинуться по пути развернутого социалистического строительства. К моменту 15 с'езда в этой части процесс - внутренний уже оканчивался у меня. Крестьянский вопрос, вопрос борьбы с кулаком оставался висеть. Решительная брешь в этом вопросе нанесена в моем сознании только XV с'ездом партии (тезисы, резолюция, доклад т. Сталина, эти документы раскрыли в основном для меня ленинскую политику партии и оппортунистический характер взглядов оппозиции, однако окончательная зачистка мозгов в этом отношении произошла уже значительно позже. Это с обоснованием т. Сталиным лозунга сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Речь на с'езде аграрников - марксистов. Только тогда произошла окончательная зачистка сознания и кристаллизация его. Выясняется во весь рост оппортунистический характер платформы оппозиции в этом коренном вопросе. Дерганье кулака без подготовки базы для сплошной коллективизации и уничтожения его как класса - политика достойная героев антисоветской демонстрации в 27 г., а не пролетарской партии, руководящей громадной страной и коммунистическим движением во всем мире. Последующим анализом этого вопроса т. СТАЛИН на XV1 с'езде и затем речи об итогах первой пятилетки еще и еще раз вскрыл глубочай-

ший смысл ленинской политики партии, его мудрой стратегии пролетарского полководца. Уже при чтении этих документов я никаких ссадин и мозолей в сознании не чувствовал. Вождь говорил о пути миллионов, разрешающих всемирно-историческую задачу, я приветствовал этот путь и шел по нему в ногу со всей партией.

Из международных вопросов в ту пору остро стоял вопрос о китайских событиях. Помню, мы, оппозиционеры, усиленно пичкали на подпольных кружках тезисами Зиновьева по этому вопросу и агитировали довольно успешно, как нам казалось, до тех пор, пока рабочие не разобрались в сталинской постановке вопроса об антиимпериалистическом периоде революции, перерастании его в период демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, после этого нас неохотно слушали по этому вопросу и последующие решения Коминтерна по этому вопросу каких-нибудь неясностей или спорных положений у меня больше не вызывали. Троцкистски-меньшевистский характер позиции Зиновьева в этом вопросе был ясен.

Кроме перечисленных основных вопросов идеологии зиновьевской оппозиции была еще уйма ненависти и злобы у оппозиционеров к руководству партии и, главным образом, т. Сталину. Я поддерживал эти настроения в известной мере в тот период. Критиковал решения партии, выступления и статьи т. Сталина, направленные против оппозиции, распространяя ту ложь про руководство, которую фабриковали в оппозиционном центре. У оппозиции это было большим делом, занимался им и я. Однако, для меня основные вопросы принадлежности к оппозиции были вопросы политики партии и их ленинское разрешение. В этих вопросах

у меня одна за другой выпадали опоры, держаться было не на чем. А по части вождей у меня развилось совершенно законное чувство недоверия в вождизме к Зиновьеву, уж очень я его близко видел и в очень гадком состоянии как политика и человека для того, чтобы тащиться дальше в его меньшевистском обозе.

При возвращении в партию у меня никаких следов внутреннего недоверия руководству партии и лично т.СТАЛИНУ не осталось и поэтому я легко принялся за работу, за окончательную очистку своего идейного багажа от оппортунистической скверны.

Х. МОЯ ПАРТИЙНАЯ РАБОТА В ПЕРИОД 28-34 г.

В 1928 г. непосредственно по восстановлении в партии я прибыл в Киевский УР, там был избран секретарем партийной организации УНР 28 и руководил партийной организацией до середины лета 1929 г., затем выпросил себе в окружке освобожденного секретаря, был при перевыборах оставлен членом бюро коллектива УНР 28 и членом президиума ячейки на участке, где был старшим прорабом. Так работал до перехода на другую работу весной 1930 г. Надо заметить, что тогда политотделов в УНР'ах еще не было и всю политико-массовую и партийную работу с парторганизацией и всей беспартийной массой проводило бюро коллектива строительства. С весны 1930 г. по весну 1931 г. я работал на Днепрострое. В этот период в основном партийная работа состояла в выполнении партийных нагрузок, главным образом, докладов на партийные и политические темы.

1931 г. работал в Киевском управлении инспектора инженерных войск. Чисто партийная работа состояла также в выполнении нагрузок ячейки, одновременно я состоял ад'юнктом ВТА, бывал там по месяцу и больше в эти годы (30 - 31 г.) и там по поручению партийной организации делал специальные доклады

по разбору реакционной текущей военной литературы. В УНР 102 (32 г.) был членом бюро ячейки, а затем выполнял партнагрузки. В УНР 107 (33 г.) тоже выполнял текущие поручения политотдела и ячейки. В ВСО (33 и 34 г.) отдельные задания ячейки, главным образом доклады.

Это формальный перечень партийных обязанностей, а по существу во весь этот период партийная работа моя состояла в мобилизации масс на местах, на участках на выполнение программы первой и затем второй пятилетки. Эту работу я проводил или самостоятельно, руководя парторганизацией (УНР 28), или совместно с политотделами, тут живых людей много, кто может засвидетельствовать действительную мою партийную преданность и страсть в организации и мобилизации масс в работе по выполнению программы первой и второй пятилетки. Сошлюсь все же на живых людей. Все начальники и коменданты УР Украины. Комиссар и пом. политотдела УИИВ'а т. БЕРЕЗКИН, СВИНКИН и ВАСИЛЬЕВ в Гродеково, ТЕРЕНТЬЕВ и САЗОНТОВ в Борзе.

По-моему, никто из них не скажет, что я мало работал в массах, мало их агитировал и организовывал на борьбу за генеральную линию партии, за выполнение программы 1-й и 2-й пятилетки. Что касается меня, то я должен сказать сейчас партийному бюро, что я в это дело отдал себя без остатка, без конца, со всей страстью, умом, энергией, любовью. Я больше того дать не мог, что дал - это мой предел.

О работе во ВСО. Организация политической работы на участках меня волновала очень и я в свое время хлопотал о замене Адова, а затем Олеховича, как людей для этой работы недостаточно подходящих.

С приходом т.ЖУК я считал это дело в аппаратном порядке налаженным. Затем я занимался укомплектовыванием партийной организации. ВСО. Ведь я принял ВСО с секретарем Голядкиным и с ним еще сидело тут человека 4 коммуниста, двое из них выгнаны при чистке, двое Дущкин и Эльянс сейчас налицо. Та партийная организация, которая сейчас есть, подобрана исключительно моими заботами при помощи т.ЖУК, вплоть до секретаря, которого я выпросил себе в отдел у тов. АРОНШТАМА.

В этом деле у меня из'ян есть и я его уже почувствовал основательно, это то, что я не занимался вплотную с партийной организацией, ее сколачиванием, воспитанием, не развернул в должной мере самокритики и тем запустил болезнь бюрократическую в отделе. Кроме того, мало опирался на политаппарат периферии, в этом отношении отдельные из'яны тоже налицо.

ХІ. О НАРКОМЕ.

Назначение луганского слесаря Клима ВОРОШИЛОВА Наркомом Оборонны я в свое время приветствовал со всем теплом моего сердца, этой радостью я заражал моих товарищей, говорил об этом партийному коллективу. Даже в период фракционной злобы против руководства партии у меня не поворачивался язык клеветать на него. С 28 г. мое отношение к нему прежнее любовное возвратилось и при поручении им любого дела по защите нашей социалистической родины, я его постараюсь сделать не хуже, а лучше чем делал до сих пор.

ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАСЛУГИ СТАЛИНА.

1. Всемирно-исторические заслуги СТАЛИНА перед коммунистическим движением, перед человечеством для меня ясны. Вооружил ленинизмом партию и Коминтерн единственно верной теорией, проверенной теперь на событиях всемирно-исторического значения.

- 1) Строительство социализма в СССР.
- 2) Индустриализация страны.
- 3) Коллективизация и ликвидация кулачества как класса.
- 4) Мудрой политикой использовал противоречия между капиталистическими странами, укрепил мощь базы социал. революции и тем защитил СССР от разгрома капиталистическими странами.

2. Обеспечил единство партии после смерти Ленина, отстояв его от "левых" и правых оппортунистов, от врагов рабочего класса вне партии и внутри партии.

3. Обеспечил боеспособность и железную дисциплину в партии и Коминтерне, чем дал в руки пролетариата могучее оружие для дальнейшего наступления. Вот почему партия сейчас совершенно правильно теоретически научно называется Сталинской. Этой гранитной теорией я вооружен полностью, руководствуясь ею, я одерживал победы на участках порученного мне дела и ею буду орудовать вперед.

XII.

Я рассказал подробно как мог и откровенно всю историю моих ошибок и моих преступлений перед партией.

При решении вопросов прошу партбюро учесть следующее:

Я семь истекших лет работал там, где меня ставил РВС, где ставила партия, ни одного назначения я не опротестовывал,

ни одного не добивался. Я просто брался за то дело, которое мне давали. Я вкладывал всю свою личность в это дело без остатка со всей страстью. Делал это будучи твердо уверенным в правоте генеральной линии нашей партии, твердо зная, что мною как сотнями миллионов других тружеников, нашей великой и славной родины руководит Ленинский ЦК, руководит мудрый и любимый СТАЛИН. Это окрыляло и вдохновляло меня во все трудные минуты, это наполняло радостью при победах на моем участке, в стране, в Коминтерне. Я с величайшим энтузиазмом в январе-марте 1932 года строил окопы в Гродеково, я агитировал голодных амурских партизан полураздетых в февральские морозы 32 г. день и ночь рыть мерзлую землю Приморья. Для того, чтобы укрепить нашу великую социалистическую родину.

Когда я ехал в январе 34 года в Москву, я ни в поезде, ни в Москве не чувствовал себя отщепенцем в эти исторические дни, я чувствовал, что если меня партия спросит, а ты что сделал, что радуешься? Я могу выложить мои большевистские дела этого периода на партийные весы и они солидно обоснуют мою радость, радость победителя. Так я себя и сейчас чувствую. Я хочу работать также, лучше чем работал эти семь лет, где, что делать, мне все равно, лишь бы это соответствовало требованию Ленинской партии, планам ее гениального вождя СТАЛИНА.

п.п. М.КАЩЕЕВ.

С подлинным верно: СЕКРЕТАРЬ ПАРТБЮРО ШТАБА ОКДВА
НИКУШИН.

Верно: Риббун.